

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Ф. В. фон Меллентин

ТАНКОВЫЕ СРАЖЕНИЯ

**БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ТАНКОВ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

1939–1945

Фридрих Вильгельм фон Меллентин

**Танковые сражения. Боевое
применение танков во Второй
мировой войне. 1939-1945**

«Центрполиграф»

фон Меллентин Ф.

Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. 1939-1945 / Ф. фон Меллентин — «Центрполиграф»,

В книге бывшего генерала немецкой армии Фридриха Вильгельма фон Меллентина дана профессиональная оценка военных событий 1939–1945 годов. Автор показывает значение танковых войск на различных театрах военных действий от Европы до Северной Африки. Описывает действия танков на советско-германском фронте, уделяя основное внимание Сталинградской и Курской битвам, а также сражениям на Украине и в Польше.

© фон Меллентин Ф.

© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	5
Введение	6
Часть первая	11
1	11
2	16
Ситуация на западе	16
План	17
Седан	18
Разгром	22
В Лотарингии	25
Заключение	26
3	28
Краткое затишье	28
Вторжение в Югославию	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Фридрих Вильгельм фон Меллентин

Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. 1939–1945 гг

Предисловие

Эта книга основана на моем личном опыте, полученном в ходе Второй мировой войны. Будучи офицером германского Генерального штаба, я принимал участие в ряде крупнейших кампаний в Африке, в России и на Западе, служил вместе с выдающимися военными деятелями Германии. Больше года я прослужил в штабе фельдмаршала Роммеля.

Да будет мне позволено коснуться некоторых личных моментов и объяснить, почему я решился внести и свой вклад во все увеличивающийся поток военной литературы. Когда началась война, я был капитаном в штабе III армейского корпуса, участвовавшего во вторжении в Польшу, а к ее концу – генерал-майором и начальником штаба 5-й танковой армии, оказавшейся в районе Рура. Исключая несколько кратких перерывов по болезни, я всю войну находился в действующей армии – в Польше и во Франции, на Балканах и Западной пустыне, в России, снова в Польше, снова во Франции и, наконец, в Арденнах и Рейнской области. Участвуя во многих решающих битвах, я видел, как действуют танки в самых различных условиях войны – от заснеженных лесов России до бесконечных просторов Западной пустыни.

При подготовке этой книги мне оказали огромную помощь мои боевые товарищи – офицеры немецкой армии. В частности, я весьма признателен моему бывшему командиру генералу Бальку за предоставленные в мое распоряжение его личные документы, которые оказались весьма ценным материалом, особенно в отношении военных действий в России. Я чрезвычайно благодарен моему другу полковнику Динглеру из германского Генерального штаба за позволение широко цитировать его описание Сталинградской битвы, а также генерал-лейтенанту фон Натцмеру и моему брату генералу Хорсту фон Меллентину за предоставленные мне важные документы, касающиеся Красной армии.

Я сделал все возможное, чтобы дать объективную оценку кампаниям, в которых участвовал. Хотя книга эта написана с точки зрения немецкого военного, я отнюдь не ограничивался только немецкими источниками. К моменту ее создания было опубликовано несколько прекрасных английских и американских исторических работ, и я в полной мере использовал этот материал. Появившиеся позднее исследования делают возможной попытку самого серьезного анализа военных событий 1939–1945 годов. Я уверен, что военные всех стран хотят восстановить все факты и обстоятельства Второй мировой войны, избегая выводов, основанных на личных предубеждениях и патриотических чувствах. Это попытался сделать и я.

Фридрих Вильгельм фон Меллентин Йоханнесбург, Южная Африка

Введение

Я родился 30 августа 1904 года в старинном немецком торговом городе Бреслау, расположенном в самом сердце Силезии.

В своих воспоминаниях Уинстон Черчилль пишет о том, как он присутствовал на германских военных маневрах 1908 года и был представлен кайзеру Вильгельму II. Кайзер приветствовал его словами: «Прекрасная страна эта Силезия, за нее стоит сражаться». Ныне Силезия входит в состав Польши, и названия многих немецких городов, связанных с историей и традициями Германии, – Лейхен, Лигниц, Кацбах – стерты с карты Европы. Судьбу Силезии разделила и Померания, откуда происходит моя семья и где род Меллентинов появился в 1225 году.

Мой отец, Пауль Хеннинг фон Меллентин, подполковник артиллерии, погиб на Западном фронте 29 июня 1918 года. Я был его третьим сыном. Семья моей матери Орлинды, урожденной фон Вальденбург, происходит из Силезии и Бранденбурга; ее прадедом был принц Август Прусский, племянник Фридриха Великого. Моя матушка была моей путеводной звездой в дни мира и войны, а после безвременной кончины отца она приняла на свои плечи тяжелое бремя воспитания и обучения трех своих сыновей. Она покинула земную юдоль в августе 1950 года, за несколько недель до моего отъезда в Южную Африку.

В Бреслау я учился в реальном училище, а после его окончания поступил на военную службу в 7-й кавалерийский полк. Это произошло 1 апреля 1924 года. Полк был расквартирован в Бреслау и вел свою историю от знаменитых «белых кирасиров» императорской армии. Всю свою жизнь я питал страсть к лошадям и теперь, оглядываясь на свою семилетнюю службу в кавалерии, могу сказать, что это был самый счастливый период моей жизни. Но первые четыре года оказались довольно трудными, потому что в это время я затрачивал много времени на подготовку к производству в офицеры. В полк я поступил в звании рядового и оставался в этом звании 18 месяцев, прежде чем меня произвели в капралы. В 1926 году я поступил в пехотное училище в Ордруфе, а затем перешел в кавалерийское училище в Ганновере, где и получил самую тщательную подготовку в тактике и верховой езде.

1 февраля 1928 года мне был присвоен чин лейтенанта, которым я очень гордился. В те дни, когда численность рейхсвера составляла 100 тысяч человек, а во всей армии могло быть только 4 тысячи офицерских должностей, процесс отбора был чрезвычайно строгим, поскольку главнокомандующий генерал фон Сект считал, что его офицеры должны составлять *corps d'elite* (отборный офицерский корпус). Прослужив на разных должностях в качестве офицера кавалерийского эскадрона до 1935 года, я полностью отдался своей любви к скачкам и преодолению препятствий.

2 марта 1932 года я женился на Ингеборг, урожденной фон Аулок, дочери майора фон Аулока и Ноны, в девичестве Малькомесс. Дед моей супруги в 1868 году эмигрировал в Южную Африку, где его семья многого добилась – один из ее членов даже стал сенатором в парламенте ЮжноАфриканского Союза. Благодаря наследству, полученному моей женой от деда незадолго до конца Второй мировой войны, мы смогли эмигрировать в Южную Африку после того, как потеряли все наше состояние и недвижимое имущество, оставшееся в Восточной Германии. У нас два сына и три дочери.

В начале своей военной службы я и не помышлял о карьере штабного офицера, поскольку любил полковую жизнь и был вполне счастлив в кругу своих товарищей по 7-му кавалерийскому полку. Но мой командир, полковник граф С., так же, как и я, не терпел канцелярской работы; поэтому, полагая, что во время учений я проявил тактическое чутье, поручил мне готовить все оперативные доклады для штаба дивизии. Там остались вполне довольны этими бумагами, и граф засадил меня за эту работу уже постоянно. В октябре 1935 года я был направлен в военную академию в Берлине, где готовили офицеров Генерального штаба.

Курс обучения в академии был рассчитан на два года. Первый год преподавание ограничивалось полковым уровнем, на втором году обучения мы постигали искусство управления дивизиями и более крупными формированиями. Теперь порой я вспоминаю об этих годах с затаенной тоской – это был последний беззаботный период моей офицерской жизни. Лекции читались в первой половине дня, а послеобеденное время посвящалось самоподготовке или более приятным занятиям. Довоенный Берлин был весьма притягательным городом и манил огнями своих театров, стадионов, музыкальных салонов и других центров светской жизни.

Осенью 1937 года я сдал экзамены и получил назначение в штаб III корпуса, расположенного в Берлине. Моим начальником стал генерал фон Вицлебен, позднее, во время кампании во Франции, командовавший 1-й армией; затем он стал фельдмаршалом и назначен командующим войсками на Западе. Вицлебен играл ведущую роль в заговоре 20 июля 1944 года и был повешен гестапо. Мне было чрезвычайно приятно служить под командованием столь выдающегося человека, любимого и уважаемого всеми офицерами его штаба.

Моя служба в качестве офицера штаба Берлинского корпуса в значительной мере была связана с организацией торжественных приемов и военных парадов. Я помогал организовывать различные парады фюрера, а также церемонии в честь Муссолини и югославского принца-регента Павла. Не было большей радости, чем проводить последнего из этих официальных лиц; все офицеры штаба испытывали чрезвычайное облегчение, когда церемонии проходили без сучка и задоринки.

Куда более интересной была моя работа, связанная с контрразведкой в Берлинском военном округе и с обеспечением безопасности наших военных заводов в этом регионе. Элегантный польский офицер по фамилии Сосновский в свое время заставил говорить о себе все высшее общество. Он выдал себя за владельца превосходных скаковых лошадей. Таким образом он свел многочисленные знакомства с женщинами, работавшими секретаршами в военном министерстве, и получил через них массу ценнейших секретных сведений. В мои обязанности входило следить за тем, чтобы ничего подобного в будущем не повторялось.

В 1930-х годах вопрос о механизации германской армии стоял чрезвычайно остро. По Версальскому договору Германии запрещалось иметь какое бы то ни было современное оружие или оборудование, и в армии не было ни одного танка. Я прекрасно помню, как, будучи молодыми солдатами, мы отрабатывали военные приемы на деревянных макетах. В 1930 году наши моторизованные силы состояли из нескольких устаревших разведывательных бронемашин и пары рот мотоциклистов. Однако к 1932 году моторизованное подразделение с макетами танков уже принимало участие в маневрах. Этим, вне всякого сомнения, была продемонстрирована та роль, которая будет отведена бронетанковым силам в современной войне.

Основной движущей силой всех этих преобразований был тогда еще полковник Гейнц Гудериан, несколько лет бывший начальником штаба инспекции моторизованных войск. Согласно общепринятому мнению, Германия позаимствовала концепцию танковой войны у британских военных теоретиков Лиддела Харта и генерала Фуллера. Я ни в коем случае не отрицаю влияния их теоретических работ, но является несомненным фактом, что уже к 1929 году теоретические разработки в области тактики бронетанковых войск далеко опережали подобную деятельность Великобритании и стали основой той доктрины, которая с таким успехом была использована нами в ходе Второй мировой войны. Примечательны следующие слова из книги генерала Гудериана «Танки – вперед!»: «В 1929 году я пришел к твердому убеждению, что танки, действуя изолированно или во взаимодействии с пехотой, никогда не смогут достичь решающей роли (sic). Исторический опыт, маневры, проведенные в Англии, и наши собственные эксперименты с макетами убедили меня в том, что танки никогда не смогут проявить себя во всей мощи, *если другие рода войск, на чью поддержку они неизбежно должны опираться* (курсив мой. – Авт.), не будут иметь одинаковой с ними скорости и проходимости. В соединении, состоящем из всех родов войск, танки должны играть ведущую роль, тогда как

другие рода войск действовать в их интересах. Было бы неправильно включать танки в состав пехотных дивизий, наоборот, желательно создавать танковые дивизии, которые включали бы все рода войск, обеспечивающие максимальную эффективность действий танков».

Эта теория Гудериана стала основой, на которой и были созданы немецкие танковые армии. Многие из военных воротят нос от теорий и презирают «кабинетных офицеров», но история последних 20 лет продемонстрировала жизненную важность ясного мышления и дальновидного планирования. Естественно, теоретик должен быть хорошо знаком с практическими реалиями (и прекрасным примером этого является сам генерал Гудериан), но без его предварительной теоретической разработки все последующие практические шаги в конце концов пропадают втуне. Британские военные специалисты, конечно, признали, что танкам предстоит сыграть громадную роль в войнах будущего – собственно, это уже было предсказано сражениями при Камбре и Амьене¹, – но они не придавали должного значения тезису о необходимости взаимодействия всех родов войск танковой дивизии.

В результате Великобритания лет на десять отстала от Германии в разработке тактики применения танков. Фельдмаршал лорд Уилсон Ливийский, описывая свою работу по боевой подготовке 7-й бронетанковой дивизии в Египте в 1939–1940 годах, писал:

«В ходе подготовки бронетанковой дивизии я особо подчеркивал необходимость максимального взаимодействия всех родов войск во время сражения. Надо было выступить против пагубной теории, распространившейся в последние годы и разделяемой некоторыми штатскими авторами определенного толка, согласно которой танковые подразделения способны в ходе сражения достичь победы без какого-либо взаимодействия с другими родами войск.

...Главными в развенчании этого и многих других заблуждений наших ученых мужей были немцы»².

Несмотря на все предупреждения Лиддела Харта о необходимости взаимодействия между танками и артиллерией, британские теории танковой войны склонялись в пользу «чисто танковой» концепции, которая, как отмечал фельдмаршал Уилсон, нанесли немалый ущерб британской армии. Лишь к концу 1942 года британцы начали практиковать тесное взаимодействие между танками и артиллерией в действиях своих бронетанковых дивизий.

Наши танковые войска своим созданием и совершенствованием, несомненно, многим обязаны Адольфу Гитлеру. Предложения Гудериана о механизации армии встретили значительное сопротивление со стороны влиятельных генералов, хотя генерал барон Вернер фон Фрич, главнокомандующий сухопутными силами, склонялся в их пользу. Гитлер заинтересовался этим вопросом; он не только проявил глубокие знания в технических проблемах моторизации войск и бронетанковых сил, но и продемонстрировал свою приверженность стратегическим и тактическим идеям Гудериана. В июле 1934 года было создано управление бронетанковых войск, начальником штаба которого стал Гудериан. С этого момента и начался быстрый рост бронетанковых сил. Гитлер всячески стимулировал этот процесс, в том числе лично присутствуя при испытаниях новых танков, а его правительство делало все возможное для развития моторостроения и строительства дорог. Вопрос этот был жизненно важен, поскольку с технической точки зрения моторной промышленности Германии предстояло ликвидировать последствия своего отставания.

В марте 1935 года Германия формально денонсировала военные статьи Версальского мирного договора, и в этом же году были сформированы первые три танковые дивизии. Мой кавалерийский полк оказался в числе отобранных для преобразования в танковые части. Будучи страстными кавалеристами, мы все испытывали грусть ввиду приближающегося рас-

¹ Как заметил генерал Цвель: «Германия была побеждена не гением маршала Фоша, а генералом Танком». (Здесь и далее, если не указано иное, примеч. автора.)

² *Wilson H.M. Eight Years Overseas, 1939–1947. London, 1950. P. 28.*

ставания с нашими лошадьми, но вместе с тем были полны решимости сохранить славные традиции Зейдлица³ и Цитена⁴ и перенести их в новые, танковые войска. Нас также переполняла гордость оттого, что танковые дивизии формировались в основном из бывших кавалерийских полков.

С 1935-го по 1937 год внутри германского Генерального штаба шла напряженная борьба относительно будущей роли бронетанковых сил в грядущих сражениях. Генерал Бек, начальник штаба, будучи последователем французской доктрины, считал, что роль танков должна быть ограничена поддержкой пехоты. Против этой пагубной теории, оказавшейся столь роковой для Франции летом 1940 года, успешно боролись Гудериан, Бломберг и Фрич. И в 1937 году мы уже начали формировать танковые корпуса, состоявшие из танковой и моторизованной дивизий; Гудериан же смотрел еще дальше и предвидел создание танковых армий.

Тем временем политическая обстановка становилась все более напряженной. Многие аспекты внутренней политики нацизма вызывали неприязнь профессиональных военных; но генерал Ханс фон Сект, создатель рейхсвера, выдвинул принцип, согласно которому армия должна оставаться в стороне от политики, и его точка зрения стала общепринятой в армии. Никому из германских офицеров не нравились фиגляры «коричневорубашечники», а их попытки действовать как выдавшие виды солдаты вызывали только смех и презрение. Но Гитлер и не влил отряды СА в состав армии; наоборот, он ввел всеобщую воинскую обязанность и сосредоточил управление армией в руках Генерального штаба. Более того, его громадные успехи в области внешней политики, и в частности решение о перевооружении, встретили одобрение всего немецкого народа. Политика обретения Германией статуса великой державы была с энтузиазмом встречена и офицерским корпусом.

Все это отнюдь не означало, что мы хотели войны. Генеральный штаб всячески пытался сдерживать Гитлера, но его позиции ослабли, после того как Гитлер занял Рейнскую область вопреки советам Генштаба. В 1938 году Генеральный штаб решительно возражал против каких бы то ни было действий в Чехословакии, но нерешительность Чемберлена и Даладье побудила Гитлера пуститься в новые авантюры. Я прекрасно понимаю, что за границей Генеральный штаб воспринимается с изрядным подозрением, и сознаю, что мои слова о нашем нежелании вести войну будут встречены со скептицизмом. В подтверждение своих слов я могу лишь процитировать высказывание Сирила Фоллза, одного из ведущих британских военных публицистов, профессора военной истории Оксфордского университета. Он пишет: «В нашей стране мы считаем до определенной степени обоснованным упрекать германский Генеральный штаб в том, что он начал войну в 1914 году. Иногда мы поступаем аналогичным образом и в отношении ситуации 1939 года, но я согласен с господином Герлицем, что в этом случае подобное обвинение неоправданно. Вы можете обвинять в этом Гитлера, нацистское государство и партию, даже немецкий народ. Но Генеральный штаб не хотел войны с Францией и Англией, а после того как он оказался втянут в войну с ними, он не хотел войны с Россией»⁵.

Мирное разрешение судетского кризиса в октябре 1938 года стало громадным облегчением для армии. Я служил тогда в штабе III корпуса; наш штаб располагался неподалеку от Хиршберга в Силезии. В результате Мюнхенского соглашения мы смогли мирно войти в Судетскую область и, проходя маршем вдоль мощных чешских укреплений, с облегчением думали о том, каких кровопролитных сражений удалось избежать, сражений, основными жертвами которых стали бы судетские немцы. В каждом из попадавшихся по дороге селений нас тепло приветствовали местные жители, встречая цветами и флагами.

³ Зейдлиц Фридрих Вильгельм (1721–1773) – прусский генерал, организатор кавалерии в армии Фридриха Великого. Он отличался рыцарским характером и гуманностью. В 1784 г. ему поставлен в Берлине памятник. (Примеч. пер.)

⁴ Цитен Ганс (1699–1785) – прусский генерал кавалерии. Участник Семилетней войны 1756–1763 гг. Образец мужества и отваги. (Примеч. пер.)

⁵ Gorlitz W. The German General Staff. London, 1953. P. 9.

Несколько недель мне довелось быть офицером связи при Конраде Генлейне, лидере судетских немцев. Я узнал о многочисленных трудностях, которые испытывали эти германоязычные жители приграничья, о тех культурных и экономических притеснениях, которые им чинились.

Вера в Гитлера поднялась после этих событий на новую ступень, но после присоединения Богемии в марте 1939 года в международной ситуации стал нарастать кризис. К тому времени я уже вернулся в Берлин и был чрезвычайно занят подготовкой гигантского парада в честь 50-летия Гитлера. Парад этот был задуман как демонстрация мощи нашей армии; во главе каждой из колонн шли знаменосцы, которые несли овеянные славой победоносные стяги вермахта.

Я всячески стремился отойти от подобного рода службы – устал от этого военного цирка, страстно желая снова вернуться в действующую армию. Мне удалось договориться о своем переводе на год в 5-й танковый полк⁶, куда я должен был прибыть 1 октября 1939 года. Но вскоре польский кризис отодвинул в сторону все остальное, и я с головой ушел в штабную работу по проработке деталей этой операции.

Несмотря на военные приготовления на восточной границе и все возрастающее напряжение в наших отношениях с Британией и Францией, мы продолжали надеяться на то, что наши претензии на Данциг – исконно германский город – не приведут к конфликту мирового масштаба. Будучи предъявленным в другое время и в другой манере, наше требование о возврате Данцига было бы удовлетворено в полном объеме. Но сделанное так, как оно было сделано – сразу же после аннексии Чехословакии, – требование это с неизбежностью породило самое серьезное беспокойство в Лондоне и Париже. В 1945 году, когда я уже был военнопленным, мне рассказывал генерал Гейр фон Швепшенбург, бывший военный атташе в Лондоне, что Гитлер был убежден – вторжение в Польшу не приведет к войне с западными державами. Он проигнорировал предостережение своего военного атташе о том, что в этом случае Великобритания непременно объявит войну, и рассчитывал на то, что пакт о ненападении с Россией поможет урегулировать этот вопрос.

В последние дни августа 1939 года колонны III корпуса прогрохотали по улицам Берлина, направляясь к границе с Польшей. В самой атмосфере этого лета ощущалось напряжение; мы все понимали: хорошо это или плохо, но Германия переходит Рубикон. На улицах не было и следа тех ликующих толп людей, которые я мальчишкой десяти лет запомнил по 1914 году. Никто – ни военные, ни население – не проявлял никакого энтузиазма. Солдаты Германии маршировали на восток, полные решимости выполнить свой долг до конца.

⁶ Впоследствии входивший в состав знаменитой 21-й танковой дивизии Роммеля.

Часть первая

Польша, Франция и Балканы

1

Польская кампания

Германская армия вошла в Польшу в 4 часа 45 минут 1 сентября 1939 года; вступлению передовых частей сухопутных войск предшествовали мощные атаки люфтваффе на польские аэродромы, железнодорожные узлы и мобилизационные центры. С самого начала нападения мы получили абсолютное превосходство в воздухе, в результате чего развертывание польской армии было сильно затруднено. Наши механизированные колонны рванулись через границу и вскоре значительно углубились на польскую территорию.

В мои намерения не входит рассматривать в подробностях всю польскую кампанию, поскольку германское превосходство было столь очевидным, что войсковые операции не представляют какого-либо особого интереса для изучающих стратегию и тактику. Поэтому я позволю себе обобщить причины нашего успеха и кратко расскажу о собственном опыте, полученном в ходе этой кампании.

По своей численности польская армия была весьма внушительной и внешне вполне могла создать впечатление, пестовавшееся польским правительством и прессой, что Польша стала великой державой. На бумаге польская армия располагала 30 дивизиями первого эшелона, 10 резервными дивизиями и 11 кавалерийскими бригадами. Но, как я уже отметил, польская мобилизационная система была в значительной степени нарушена атаками с воздуха, так что даже те формирования, которые были отобилизованы, обнаружили, что их возможности к передвижению серьезно ограничены, а система снабжения практически разрушена. Располагая только несколькими сотнями современных самолетов и недостаточным количеством зенитной артиллерии, польские вооруженные силы были просто не в состоянии бросить в бой свои значительные по численности войска. Более того, польские дивизии, с их вооружением, не отвечающим требованиям современной войны по огневой мощи, и устаревшим оснащением, были сравнимы по своей реальной силе с германскими полками. У поляков было весьма незначительное количество танков и бронев автомобилей, их противотанковая артиллерия оказалась совершенно неэффективной, а большая часть их вооружения, как и у итальянцев, относилась еще к периоду Первой мировой войны. Лучшими польскими частями, вне всякого сомнения, были кавалерийские бригады, сражавшиеся с необыкновенной отвагой – в одной стычке они даже бросились на наши танки с шашками наголо. Но вся эта отвага и напористость, столь часто выказываемая поляками, никак не могла компенсировать недостаток современного вооружения и серьезной тактической подготовки.

Вся тяжесть ответственности за состояние армии страны в 1939 году целиком ложится на польскую военную клику. На состояние ее вооружения и оснащения могли повлиять экономические факторы, но ничто не сможет послужить им извинением за недооценку влияния огневой мощи на современную тактику.

Такая же интеллектуальная немощь была продемонстрирована и в области стратегии. Правда, поляки законно могли надеяться на то, что французская армия и военно-воздушный флот Великобритании смогут связать значительные германские силы на Западе, но даже в этом случае в их планах все равно отсутствовало чувство реальности. Но вместо того чтобы выиграть время посредством стратегического отхода, польское командование уделяло внимание лишь

Познани и Польскому коридору⁷, стараясь сосредоточить все имеющиеся силы на фронте в 800 миль от Литвы до Карпат, и даже сформировало особую штурмовую группу для вторжения в Восточную Пруссию. Таким образом, польское Верховное командование сделало все возможное для того, чтобы раздробить имеющиеся у него силы.

Подобное расположение польской армии наилучшим образом способствовало выполнению германского плана.

Мы напали на Польшу силами 44 дивизий и 2 тысяч самолетов. Самые минимальные силы германской армии были оставлены, чтобы удерживать Западный вал⁸, который был все еще далек от завершения. Фактически вся ударная сила вермахта была брошена к польской границе в обоснованной надежде обрести быструю и легкую победу (см. карту 1).

Группа армий «Север» под командованием генерал-полковника фон Бока состояла из 3-й и 4-й армий, при этом последняя двигалась в направлении Данцига и Польского коридора, в то время как 3-я армия была сконцентрирована в Восточной Пруссии для нанесения удара на Варшаву. Задача 4-й армии состояла в прорыве «коридора» и соединении с 3-й армией для последующего наступления на польскую столицу.

Группа армий «Юг» генерал-полковника фон Рундштедта, состоявшая из 8, 9 и 14-й армий, была развернута в Силезии и Словакии. Основной удар этой группы армий также был направлен на Варшаву, она представляла собой вторую половину гигантских клещей, которые должны были сомкнуться с целью окружения польских войск в Познани, а по существу всех сил к западу от Вислы. Две эти группы армий соединялись между собой легкими вспомогательными силами, развернутыми напротив Познани и прикрывающими основную дорогу на Берлин. Подобное расположение сил со слабым центром и двумя мощными атакующими флангами было традиционным для германской стратегии и восходило своими корнями к классическому труду графа Шлиффена⁹ о победоносной битве Ганнибала при Каннах.

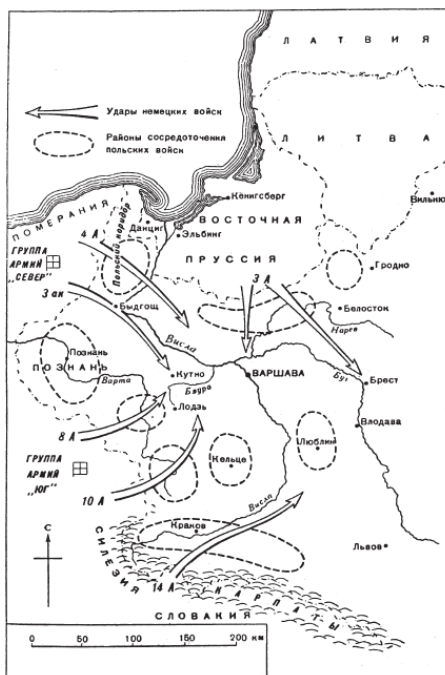
Немецкие войска имели шесть танковых и четыре легкие дивизии. Каждая танковая дивизия состояла из одной танковой бригады и одной мотострелковой бригады. Танковая бригада состояла из двух танковых полков по 125 танков в каждом, а мотострелковая бригада имела в своем составе два мотострелковых полка и мотоциклетный батальон. Легкие дивизии состояли каждая из двух полков мотопехоты по три батальона в каждом и одного танкового дивизиона¹⁰.

⁷ П о л ь с к и й к о р и д о р. Данцигский коридор – наименование в 1919–1945 гг. полосы земли, полученной Польшей по Версальскому мирному договору 1919 г. и дававшей ей доступ к Балтийскому морю. Заканчивался узкой полосой морского побережья, всего в 71 км; ширина Польского коридора не превышала 200 км. (*Примеч. ред.*)

⁸ З а п а д н ы й в а л – система немецких фортификационных сооружений вдоль западных границ Германии от Люксембурга на севере до Швейцарии на юге. Строительство Западного вала продолжалось и после начала, и во время Второй мировой войны, но так и не было завершено. (*Примеч. пер.*)

⁹ Ш л и ф ф е н Альфред фон (1833–1913) – граф, германский военный теоретик, генерал-фельдмаршал (1911). В 1891–1905 гг. начальник Генштаба. Будучи одним из идеологов германского милитаризма, разработал теорию окружения и уничтожения противника путем решительного удара по одному или двум флангам. (*Примеч. пер.*)

¹⁰ Организация легких дивизий не оправдала себя, и после кампании они были преобразованы в танковые дивизии.

Карта 1. Польская кампания 1939 года

В этой кампании качество материальной части, которой мы располагали, оставляло желать много лучшего. У нас было несколько танков «Т-IV» с 75-мм пушками с низкой начальной скоростью снаряда, незначительное число танков «Т-III», вооруженных совершенно неудовлетворительными 37-мм пушками¹¹; основу же наших бронетанковых сил составляли танки «Т-П», имевшие на вооружении только тяжелый пулемет. Более того, как стратегия, так и тактика танковых войск находились в зачаточном состоянии. Но к счастью, механизированными дивизиями, действующими с группой армий «Север», командовал генерал Гудериан. Благодаря тщательному изучению и проведенным накануне войны экспериментам он прекрасно понимал все возможности танков и, что было особенно важно, необходимость их совместного применения с артиллерией и пехотой в рамках танковой дивизии.

Гудериан предвидел неизбежное создание танковых армий, и в этой кампании он управлял своими двумя танковыми и двумя легкими дивизиями, входящими в группу армий «Север», как единым целым. Он осознавал, что если бронетанковые формирования слишком тесно связаны с полевыми армиями или армейскими корпусами, то их самое ценное качество – подвижность – не может быть в полной мере использовано. Его взгляды не разделялись в группе армий «Юг», в которой танки были расплывлены между различными армиями и корпусами.

Когда кампания началась, я занимал должность начальника разведки III корпуса, которым командовал генерал Гаазе. Это был тот самый берлинский корпус, в котором я служил в мирное время, и состоял он из 50-й и 208-й пехотных дивизий. Мы входили в состав 4-й армии, перед нами была поставлена задача наступать из Померании до Вислы восточнее Бромберга (ныне г. Быдгощ в ПНР. – *Пер.*) и отрезать пути отступления польских войск, удерживавших коридор. XIX корпус Гудериана двигался севернее и достиг столь быстрого и впечатляющего успеха, что сопротивление на нашем фронте совершенно прекратилось. Уже в первые дни вторжения мы взяли сотни пленных при ничтожно малых потерях.

¹¹ Эта пушка намного уступала английским 2-фунтовым пушкам.

Тем не менее операции эти имели довольно большое значение для наших войск, они получили боевое крещение и увидели разницу между маневрами мирного времени и настоящей войной. Уже в самом начале кампании я узнал, насколько «нервными» становятся люди даже в хорошо подготовленных частях в боевых условиях. Однажды над командным пунктом нашего корпуса сделал несколько кругов довольно низко летевший самолет, и буквально все открыли по нему беспорядочную стрельбу, из первого попавшегося под руку оружия. Находившийся при штабе офицер связи люфтваффе старался прекратить стрельбу, крича возбужденным людям, что это немецкий разведывательный и связной самолет. Вскоре самолет приземлился, из него вышел генерал авиации, ответственный за нашу непосредственную поддержку с воздуха. Оценить случившееся в качестве шутки ему не было дано.

5 сентября передовые части нашего корпуса подошли к Бромбергу, где никакого серьезного сопротивления не ожидалось. Я находился в боевых порядках этих передовых частей, которые стремились поскорее проникнуть в город и освободить большое число немцев, живших здесь. Но нам пришлось столкнуться с яростным и упорным сопротивлением польского арьергарда, поддержанного многими вооруженными горожанами. Сломив его и ворвавшись в город, мы обнаружили, что поляки хладнокровно перебили сотни наших соотечественников, живших в Бромберге. Их мертвые тела буквально устилали улицы.

Тем временем германские армии наступали по всему фронту. К 7 сентября группа армий «Юг» заняла Краков и продолжила наступление на Кельце и Лодзь, Польский коридор был «взломан», и 3-я и 4-я армии соединились. Главные силы 4-й армии стали продвигаться к Варшаве вдоль правого берега Вислы, но 11 сентября III корпус был придан 8-й армии и получил приказ наступать западнее Вислы на Кутно. Мне же было приказано вылететь на командный пункт 8-й армии, находившийся где-то неподалеку от Лодзи, доложить там о нашем положении и получить дальнейшие распоряжения.

Взлетели мы в ясную погоду, сделали круг над нашими передовыми частями, затем пересекли широкую полосу польской территории, где увидели дороги, забитые плотными колоннами войск и гражданских беженцев, уходивших на восток, а потом углубились в зону, где могли ожидать увидеть передовые части 8-й армии. Я всегда относился к авиации с изрядной долей скептицизма, поэтому ничуть не удивился, когда мотор стал давать перебои в тот момент, когда мы находились над территорией, неизвестно кем занятой. Не оставалось другого выхода, как идти на вынужденную посадку. Когда же мы с пилотом выбрались из самолета, то недалеко увидели несколько групп солдат в оливково-зеленой форме – определенно поляков. Мы уже было схватились за автоматы, как вдруг услышали отданные на немецком языке команды – это был передовой отряд «организации Готта»¹², занятый ремонтом мостов и дорог.

После моего доклада командующему 8-й армией меня ввел в курс событий начальник штаба генерал Фельбер. Он сообщил, что 8-я армия только что преодолела серьезный кризис на своем северном фланге. 30-я пехотная дивизия, которая удерживала широкий фронт на реке Бзура, была атакована превосходящими польскими силами, отходящими от Познани к Варшаве. Эта группа из четырех пехотных дивизий и двух кавалерийских бригад была поддержана другими польскими частями, скопившимися в районе к западу от Варшавы. Чтобы избежать серьезных осложнений, 8-я армия была вынуждена приостановить наступление на Варшаву и прийти на выручку 30-й дивизии. Атаки поляков были отбиты, и теперь 8-я армия сама начала форсировать Бзуру с целью окружения и уничтожения весьма значительных польских сил в районе Кутно. III корпусу предстояло закрыть образовавшуюся между наступающими войсками брешь на западе.

¹² «О р г а н и з а ц и я Г о т т а» – полувоенная правительственная организация, созданная в 1933 г. для строительства и ремонта автомобильной и железнодорожной сети в целях улучшения возможностей переброски войск в случае войны.

В течение этой недели мы сжимали кольцо окружения вокруг Кутно, отбивая отчаянные попытки прорыва окруженных польских сил. Ситуация во многом напоминала окружение русских под Танненбергом в 1914 году. 19 сентября остатки девятнадцати польских дивизий и трех кавалерийских бригад общей численностью до 100 тысяч человек сдались в плен 8-й армии.

Этот же день фактически стал последним днем польской кампании. Танковый корпус Гудериана, значительно оторвавшись от пехотных подразделений группы армий «Север», форсировал реку Нарев и 14 сентября прорвал укрепления Брест-Литовска. 17 сентября Гудериан соединился с танковым авангардом группы армий «Юг» в районе Влодавы на реке Буг. Таким образом, кольцо окружения замкнулось, и в нем оказалась практически вся польская армия. Осталось еще ликвидировать несколько котлов, в которых сражались окруженные польские части, а упорная оборона Варшавы поляками продолжалась до 27 сентября.

В соответствии с соглашением, подписанным в Москве 26 августа¹³, русские войска вступили в Польшу 17 сентября, а наши части оставили Брест-Литовск и Лемберг (Львов. – *Пер.*), отойдя на предварительно согласованную демаркационную линию. Победа в Польской кампании была блестящей, хотя многих из нас волновало значительное расширение советской власти на запад.

¹³ Имеется в виду так называемый пакт Молотова – Риббентропа, т. е. договор о ненападении, заключенный в 1939 г. в Москве. Подписан 23 августа. В тексте книги ошибочно указано число – 26 августа. (*Примеч. пер.*)

2

Завоевание Франции

Ситуация на западе

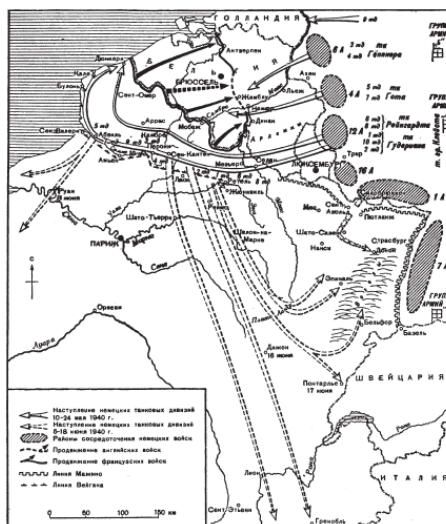
Еще до полного окончания польской кампании III корпус был отведен на запад, и в начале октября мы оказались в секторе к северу от Трира. Мой второй брат, бывший до войны высокопоставленным чиновником в лесном министерстве, служил теперь командиром взвода резервной дивизии неподалеку от Саарбрюккена, и мне удавалось видаться с ним. Поездки к нему дали мне возможность своими глазами увидеть знаменитый Западный вал, или линию Зигфрида.

Вскоре я осознал, какой авантюрой была вся польская кампания и на какой опасный риск пошло наше Верховное командование. Занимавшие Западный вал войска второй линии были плохо вооружены и недостаточно подготовлены. Что же касается самой линии обороны, то она была весьма далека от тех неприступных укреплений, какими ее рисовала наша пропаганда. Укрепления толщиной более трех футов (около 90 см. – *Пер.*) были редкостью, да и все сооружения в целом вряд ли смогли бы устоять против обстрела тяжелой артиллерией. Лишь небольшое количество из укреплений были расположены так, чтобы вести продольный огонь, а большинство из них фронтальный огонь неприятеля разнес бы на части без малейшего риска для нападающих. Западный вал строился в такой спешке, что большинство позиций были оборудованы на передних склонах возвышенностей. Противотанковые препятствия были скорее символическими, и чем больше я смотрел на эту линию обороны, тем меньше понимал полную пассивность французов.

Если не считать поисков разведчиков в отдаленном районе Саарбрюккена, французы вели себя очень мирно и не беспокоили защитников Западного вала. Такое бездействие отрицательно сказывалось на боевом духе французских войск и, как мы считали, принесло гораздо больше вреда врагу, чем вся наша пропаганда, сколь бы эффективной она ни была.

Когда в октябре 1939 года предложение Гитлера о мире было отвергнуто, первой его реакцией на это было подписать приказ о начале нового блицкрига. Он опасался, что с каждым месяцем промедления союзники по антигитлеровской коалиции будут наращивать свою мощь; кроме того, никто на самом деле не верил в долговечность нашего пакта с Россией. Она уже продолжила свое вторжение в Польшу оккупацией Прибалтийских республик; в ноябре Красная армия напала на Финляндию. Грозная тень, вздымавшаяся на Востоке, была еще одной причиной для того, чтобы искать победы на Западе.

Первоначально наше наступление было запланировано на ноябрь, но плохая погода не давала развернуться авиации и заставила нас несколько раз откладывать начало операции. Армия проводила зиму в интенсивной боевой подготовке и в крупномасштабных маневрах. Я получил новое назначение – начальником штаба 297-й пехотной дивизии; дивизия вела подготовку в районе Позена (ныне Познань. – *Пер.*) в пронизывающем холоде здешней зимы. При температуре от 20 до 30 градусов мороза наши полевые занятия и боевые стрельбы проходили на всех уровнях без какого-либо перерыва.

Карта 2. Французская кампания 1940 года

В марте 1940 года дивизию инспектировал известный генерал фон Манштейн, в то время командир корпуса, бывший фактически разработчиком плана наступления на Западе, который должен был привести нас к небывалому успеху¹⁴.

Мое собственное участие во французской кампании ограничивается действиями в Лотарингии. Мне не довелось участвовать в знаменитом походе через всю Северную Францию к Английскому каналу (пролив Ла-Манш. – *Пер.*). Тем не менее я намерен рассмотреть всю кампанию, поскольку она представляется весьма значительной для развития тактики бронетанковых войск.

План

Немецкий план наступления на Западе в значительной степени напоминал знаменитый план Шлиффена периода Первой мировой войны, *Schwerpunkt*¹⁵ также находился на правом фланге, но «охватное» движение планировалось несколько шире, чем в 1914 году, и включало Голландию. Проведение этой операции было поручено группе армий «Б» генерал-полковника фон Бока; в нее должны были войти все наши десять танковых дивизий, и главный удар наносился по обе стороны Льежа. Группе армий «А» (командующий генерал-полковник фон Рундштедт) предстояло поддержать наступление, пересечь Арденны и отбросить неприятельскую пехоту к реке Маас, в то время как группа армий «Ц» генерал-полковника фон Лееба должна была занять оборонительную позицию перед линией Мажино.

Целесообразность этого плана вызывала сомнения. Генерал фон Манштейн, тогда начальник штаба группы армий «А», возражал, в частности, против того, чтобы сосредоточивать главные усилия на правом фланге, что, по его мнению, должно было привести к фронтальному столкновению наших танков и лучших французских и бельгийских соединений в районе Брюсселя. Всего лишь повторить наш стратегический план 1914 года значило отбросить напрочь эффект неожиданности, всегда бывший вернейшим гарантом победы. Манштейн разработал хитроумный и в высшей степени оригинальный план. Основной удар все так же

¹⁴ Я знаю, что британская официальная история преуменьшает роль Манштейна, но для меня свидетельства Гудериана и других генералов и офицеров представляются решающими. Лиддел Харт также придерживается точки зрения, что Манштейн был создателем этого плана.

¹⁵ Здесь: направление главного удара.

наносился на нашем правом фланге, группа армий «Б» должна была вторгнуться в Голландию и Бельгию силами трех танковых дивизий¹⁶ и всеми имеющимися у нас воздушно-десантными войсками. Наступление группы армий «Б» планировалось мощным, чтобы отвлечь внимание противника, и должно было сопровождаться высадкой парашютных десантов в важных пунктах Бельгии и Голландии. Почти не существовало сомнений в том, что противник примет наступление как главный удар и постарается поскорее перебросить свои силы через франко-бельгийскую границу с намерением достичь рубежа Мааса и прикрыть Брюссель и Антверпен. Чем больше сил он бросит в этот район, тем скорее будет разбит.

Решающая же роль отводилась группе армий «А». В нее должны были входить три армии – 4, 12 и 16-я – и танковая группа Клейста. 4-я армия, включавшая танковый корпус Гота¹⁷, должна была наступать к югу от Мааса и форсировать его в районе Динана. Главный удар планировалось нанести в полосе нашей 12-й армии танковой группой Клейста. Она состояла из танкового корпуса Рейнгардта (6-я и 8-я танковые дивизии), танкового корпуса Гудериана (1, 2 и 10-я танковые дивизии) и моторизованного корпуса Витерсгейма (пять моторизованных дивизий). Им предстояло пересечь Арденны (предполагалось, что эта труднодоступная для танков местность плохо защищалась французами) и форсировать Маас в районе Седана. Затем они должны были быстро развернуться к западу и выйти во фланг и тыл вражеских сил, сосредоточенных под Брюсселем. Их левый фланг первоначально должна была прикрывать 16-я армия.

Таким был план, одобренный Верховным командованием вооруженных сил Германии по совету и под влиянием Манштейна. Надо заметить, что это предложение Манштейна было поддержано далеко не всеми и чаша весов склонилась в его пользу только после довольно курьезного инцидента. В январе 1940 года германский самолет сбился с маршрута и совершил вынужденную посадку на бельгийской территории. Офицер, летевший на нем, имел при себе экземпляр первоначального плана, и мы не могли быть уверены, что пакет с планом уничтожен. Поэтому было решено принять план Манштейна, к которому склонялся и сам Гитлер.

Седан

В 5 часов 35 минут 10 мая 1940 года передовые части германской армии пересекли границы Бельгии, Люксембурга и Голландии. Как и в Польше, мы имели полное превосходство в воздухе, но ни единой попытки не было помешать движению британских и французских войск, вступающих в Бельгию и Южную Голландию. Германское Верховное командование было в восторге от того, что противник реагирует на наше наступление именно так, как мы и рассчитывали.

Ключ к успеху наступления находился у танковой группы Клейста, которая углубилась в поросшие лесом холмы Арденн и продвигалась в направлении Мааса. Я должен отметить, что своими победами в мае 1940 года Германия была обязана прежде всего искусному применению двух великих принципов военного искусства – внезапности и концентрации сил. Фактически германская армия уступала армиям противостоящих ей союзников, причем не только по числу дивизий, но и в основном по количеству танков. Тогда как объединенные франко-британские силы располагали примерно 4 тысячи танков, германская армия имела лишь 2800 машин. Не было у нас также и какого-либо реального преимущества в качестве. Танки союзников, и особенно британские «матильды», имели более мощную броню, чем наши танки, а 37-мм пушка нашего «Т-III» – основного типа германского боевого танка – была слабее британской 2-фун-

¹⁶ Танковый корпус Гёппнера в составе 3-й и 4-й танковых дивизий должен был пересечь бельгийскую границу и двигаться в направлении Брюсселя, в то время как 9-й танковой дивизии предстояло действовать в Южной Голландии.

¹⁷ Состоявший из 5-й и 7-й танковых дивизий.

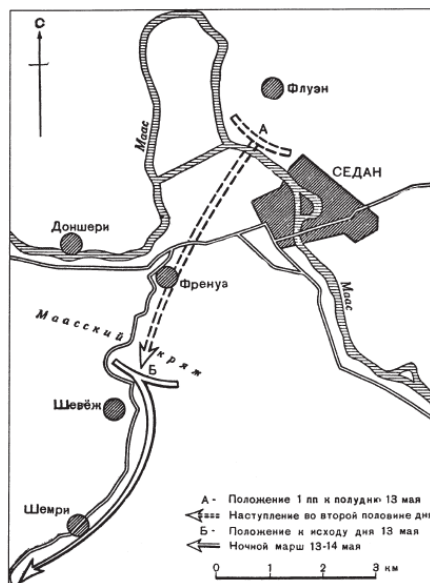
товки. Но решающим фактором нашего успеха было то, что для прорыва фронта между Седаном и Намюром мы сосредоточили семь из наших десяти танковых дивизий, причем пять из них были сконцентрированы в секторе Седана. Военные руководители союзников, особенно французы, мыслили все еще в категориях линейной тактики Первой мировой войны и распределили свои танки между пехотными дивизиями. Британская 1-я бронетанковая дивизия еще даже не прибыла во Францию, и формирование четырех французских бронетанковых дивизий находилось на начальном этапе. Французы даже не рассматривали вопрос массированного применения своих бронетанковых дивизий. Распылив свои танки по всему фронту от швейцарской границы до Английского канала, французское Верховное командование сыграло нам на руку и могло винить лишь самих себя за ту катастрофу, которая последовала за этим их решением¹⁸.

Танковая группа Клейста не встретила никакого сопротивления в Люксембурге, а в Арденнах слабое сопротивление французской кавалерии и бельгийских стрелков было быстро подавлено. Местность, вне всякого сомнения, была достаточно трудной, но тщательно спланированный контроль движения техники и предусмотрительно проведенная штабная работа позволили почти без инцидентов осуществить бросок бронетанковых и моторизованных дивизий, двигавшихся колоннами длиной по 60 миль. Враг был совершенно не готов к массированному удару в этом районе, его слабое сопротивление была смято, и вечером 12 мая авангард танкового корпуса Гудериана подошел к реке Маас и занял город Седан. Клейст решил форсировать Маас во второй половине дня передовыми частями этого танкового корпуса. Для этого больше всего подходили пехотные дивизии, но было жизненно важно воспользоваться замешательством противника и не дать ему возможности прийти в себя. Для поддержания форсирования реки с воздуха были выделены мощные формирования авиации.

Я располагаю описанием этого сражения, сделанным командующим 1-м стрелковым полком 1-й танковой дивизии полковником Бальком¹⁹. Вечером 12 мая его полк подошел к Маасу южнее Флуэна и остановился, готовый к атаке. Все офицеры и солдаты знали свою задачу; уже несколько месяцев они отрабатывали форсирование реки и изучали карты и аэрофотоснимки местности. Наша разведка добыла точные сведения о французской обороне вплоть до отдельных укрепленных пунктов.

¹⁸ Три французские механизированные дивизии, имеющие каждая около 200 танков, входили в востав войск, вступивших в Бельгию. Четыре французские бронетанковые дивизии имели каждая около 150 танков. Средняя численность бронетанковой дивизии в то время составляла примерно 260 танков.

¹⁹ Впоследствии генерал танковых войск, командир корпуса в России, командующий армиями в Польше и Венгрии и командующий группой армий на Западном фронте.

Карта 3. Седан, 13–14 мая 1940 года

Тем не менее утром 13 мая штабу 1-го стрелкового полка остановка представлялась угрожающей. Французская артиллерия была наготове, и малейшее движение на нашей стороне вызывало немедленный огонь. Германская артиллерия застряла на забитых войсками дорогах, а саперные подразделения, как и их громоздкое оборудование, еще не прибыли к реке. По счастью, пехотинцам привезли надувные лодки, но солдатам пришлось управляться с этим оборудованием без помощи саперов²⁰. Полковник Бальк отправил офицера связи в штаб корпуса, прося максимальной поддержки с воздуха и указывая на то, что успех атаки не может быть обеспечен, пока не подавлена французская артиллерия. Ее огонь делал всякое передвижение наших войск невозможным.

Около полудня наша авиация нанесла массированный удар, применив до тысячи самолетов, по противнику. «Юнкерсы» полностью подавили французскую артиллерию, которая так и не оправилась впоследствии от этого удара. Полковнику Бальку показалось, что орудийные расчеты просто-напросто разбежались и ничто не могло заставить их вернуться к своим орудиям. Полное подавление огня французов оказало замечательное действие на боевой дух полка. До начала воздушной поддержки солдаты старались поглубже спрятаться в отрытых траншеях, но теперь никто и не думал об укрытии. Солдат невозможно было удержать, все рвались вперед. Надувные лодки подходили к берегу и выгружались прямо на виду у французских дотов, не далее чем в 50 ярдах от них. Наши солдаты форсировали реку под столь мощным авиационным прикрытием, что даже не заметили отсутствия какой-либо артиллерийской поддержки. После форсирования реки все и дальше шло как по часам, так что к закату полк занял господствующие высоты на южном берегу Мааса. Французы были ошеломлены атакой с воздуха, и их сопротивление было незначительным, тем более что каждое подразделение полковника Балька в течение нескольких месяцев отрабатывало выполнение своей задачи.

Вечером полковник Бальк решил расширить занятый им плацдарм и выдвинуться по направлению к населенному пункту Шемри, расположенному более чем в 6 милях к югу от Мааса. Это было очень смелое решение. Не подошли еще ни артиллерия, ни танки, ни противотанковые орудия, а наведение понтонного моста через Маас продвигалось весьма медленно

²⁰ Эта ситуация демонстрирует важность обучения пехотинцев и работе других родов войск – как в нашем случае с 1-м стрелковым полком.

из-за постоянных и ожесточенных атак с воздуха. Но Бальк опасался того, что небольшой плацдарм может быть блокирован неприятелем, поэтому, несмотря на усталость своих солдат, он решил все же углубиться во французскую территорию. После ночного шестимильного марша Шемри был занят без какого-либо сопротивления.

Утром 14 мая положение обострилось, как и предвидел Бальк: французская бронетанковая бригада контратаковала, поддержанная низколетящими самолетами. По счастью, французы не смогли быстро организовать эту атаку; их танки двигались медленно и неуверенно, и к тому времени, когда они вышли на исходные позиции, уже подтянулись наши противотанковые орудия, а также подошли передовые части 1-й танковой бригады. Бой был коротким и жестоким; хотя французы отважно атаковали, они проявили мало умения, и вскоре уже около 50 их танков горели. Связь между подразделениями во французской танковой бригаде явно была на низком уровне, а современные радиостанции наших танковых подразделений давали им явное преимущество в быстроте маневра. Устаревшие французские самолеты несли большие потери от плотного пулеметного огня стрелкового полка.

Во время сражения, а также накануне, когда немецкие войска форсировали Маас, генерал Гудериан находился в первом эшелоне, и Бальк имел возможность консультироваться с ним лично.

Битва при Седане занимает важное место в истории танковых сражений. В то время обычно проводили резкое разграничение между пехотными и танковыми частями. Такой подход оказался ошибочным. Если бы полковник Бальк во время форсирования Мааса имел в своем распоряжении танки, все происходило бы гораздо проще. Было вполне возможно переправить через реку несколько отдельных танков, и тогда не пришлось бы бросать вперед пехотные части без какой-либо танковой поддержки ночью с 13 на 14 мая. Если бы французы провели более быструю и решительную контратаку, то мотострелковый полк оказался бы в критическом положении, но в тот момент было бы неразумно придавать танки пехоте – танковую бригаду следовало сохранить для решающего удара. Начиная с Седана танковые подразделения и пехота стали использоваться в смешанных боевых группах. Подобные *Kampfgruppen* (боевой отряд, штурмовая группа. – *Пер.*) стали воплощением старого, как сама война, принципа – сосредоточения всех родов войск в нужное время в одном месте.

Французская оборона на Маасе теперь уже полностью была сокрушена. Позиции на берегу реки удерживались резервными частями второго эшелона с немногочисленными противотанковыми орудиями, а боевой дух французов был окончательно сломлен после обстрела их позиций пикирующими бомбардировщиками. К северу от Мезьера генерал Рейнгардт двумя своими танковыми дивизиями форсировал Маас в нескольких местах, а танковый корпус генерала Гота совершенно неожиданно для французов захватил Динан. 14 мая танковый корпус Гудериана расширил захваченный плацдарм к югу и западу от Седана и отбил несколько контратак французской 3-й бронетанковой дивизии. Бои здесь были очень упорными, и самые важные высоты по нескольку раз переходили из рук в руки.

15 мая германское Верховное командование несколько занервничало и запретило дальнейшее продвижение танковых корпусов до тех пор, пока пехотные дивизии 12-й армии, которые шли за танковой группой Клейста, не окажутся в состоянии прикрыть южный фланг. Но командиры танковых корпусов и дивизий, оценивая ситуацию, ясно видели, что можно добиться небывалой победы, если движение на запад продолжится, а у неприятеля не будет времени принять какие-либо контрмеры. В ответ на их настойчивые возражения командование дало добро на «расширение плацдарма», и 16 мая танковая группа Клейста прорвала французскую оборону и на полном ходу ринулась к морю.

Разгром

В то время как центр французской обороны был прорван у Седана, в Бельгии 13 и 14 мая развернулись ожесточенные танковые сражения. Танковый корпус Геппнера, наступая севернее Мааса, встретил значительно превосходящие его бронетанковые силы французов около Жамблу. Но, обладая превосходной выучкой и несравненно лучшей связью, танкисты Геппнера искусным маневром обошли французов и вынудили их отступить за реку Диль. Геппнеру было приказано не наступать прямо на Брюссель, а направить свои основные усилия вдоль реки Самбра для того, чтобы при необходимости оказать поддержку танковым корпусам, наступающим к югу от реки.

Продвижение Гудериана вдоль течения Соммы шло с удивительной быстротой. К вечеру 18 мая он был в Сен-Кантене, 19-го пересек старое поле битвы на Сомме, а к 20-му его авангард уже достиг Абвиля и вышел к Английскому каналу – армии союзников были рассечены пополам. Столь быстрое наступление было чревато серьезным риском, и у командования существовали опасения относительно безопасности южного фланга. 10-я танковая дивизия, механизированный корпус Витерсгейма и пехотные дивизии 16-й армии прикрывали наступающие войска с юга вдоль рубежей – Эны и Соммы. Кризис наступил 19 мая, когда французская 4-я бронетанковая дивизия под командованием генерала де Голля контратаковала под Лаоном и была отброшена, понеся большие потери. Для стратегии французов было очень типично использовать свои бронетанковые силы по частям – их 3-я бронетанковая дивизия была брошена в бой под Седаном 14–15 мая, а 4-я бронетанковая дивизия – под Лаоном 19 мая. Даже после нашего первоначального прорыва под Седаном французы еще имели шансы оказать серьезное сопротивление, если бы их Верховное командование не потеряло голову и воздержалось от контратак до тех пор, пока все возможные бронетанковые силы не были бы собраны для нанесения решительного удара.

Сильно теснимые группой армий «Б», союзные войска в Бельгии отступили от Брюсселя на рубеж Шельды, причем их левый фланг оказался у Арраса, всего лишь в 25 милях от Перонна, что на берегах Соммы. Если бы союзники смогли закрыть брешь Аррас – Перонн, они смогли бы отсечь наши танковые дивизии, прорвавшиеся к морю. 20 мая лорд Горт, командующий британскими экспедиционными силами, приказал контратаковать нас в районе Арраса 21 мая; была также сделана попытка заручиться поддержкой французских войск для более крупной операции по перекрытию столь важной брешки²¹. Французы заявили, что они не смогут начать наступление раньше 22 мая, но части британской 50-й дивизии и 1-й армейской танковой бригады начали боевые действия к югу от Арраса утром 21-го. Задействованные в наступлении силы были слишком малы, чтобы достичь какого-либо значительного результата, но они нанесли довольно большие потери 7-й танковой дивизии Роммеля. Наши 37-мм танковые пушки не могли, конечно, остановить тяжелые британские танки, поэтому потребовалось сосредоточение всей его артиллерии, и в частности 88-мм зенитных орудий, чтобы остановить британское наступление.

Южнее Соммы не происходило вообще ничего – французские части, собранные для контратаки, подвергались непрерывным бомбардировкам нашими самолетами. Официальная британская история войны отмечает²², что «в этот критический момент французское Верховное командование доказало свою полную неспособность управлять войсками». Было много совещаний, много разглагольствований, директив, но не было никаких решительных действий.

²¹ См.: The War in France and Flanders. 1939–1940. P. 87.

²² См.: The War in France and Flanders. 1939–1940. P. 103.

Наша 4-я армия нанесла ответный удар, захватила Аррас и стала теснить англичан дальше на север. Положение союзников в Бельгии и Северной Франции вскоре стало катастрофическим.

Гудериан наступал к северу от Абвиля и 22 мая атаковал Булонь; танковый корпус Рейнгардта по ходу своего марша фланговыми силами взял 23 мая Сент-Омер. В результате этого передовые танковые дивизии оказались только в 18 милях от Дюнкерка, т. е. намного ближе к порту, чем главные силы англо-французских войск в Бельгии. Вечером 23 мая генерал фон Рундштедт, командующий группой армий «А», приказал своим бронетанковым дивизиям 24 мая выйти на линию канала между Сент-Омером и Бетюном. Главнокомандующий сухопутными силами генерал фон Браухич полагал, что операции против союзных армий на севере должны вестись под командованием одного военачальника и, более того, что наступление с целью окружения противника должно продолжаться без передышки. В соответствии с этим он 24 мая отдал приказ о переходе 4-й армии Рундштедта, в которой находились все танковые дивизии группы армий «А», под командование группы армий «Б» генерала фон Бока, которая мощно теснила войска союзников с востока. Но в тот же день полевой штаб Рундштедта посетил Гитлер и отменил приказ, отданный Браухичем²³. После его отъезда Рундштедт издал приказ, который гласил: «По приказу фюрера... общую линию Ланс – Бетюн – Айр – Сент-Омер – Гравлин (линию канала) не переходить». Когда Гитлер приказал Рундштедту возобновить 26 мая наступление, время было уже упущено и англичане сумели организовать отход войск к Дюнкерку²⁴.

Таким образом, Дюнкерк не стал триумфом, которого германская армия по праву заслужила, он обернулся, тем не менее, сокрушительным поражением для союзников. В Бельгии французская армия потеряла большую часть своих бронетанковых и механизированных подразделений и осталась всего лишь с 60 дивизиями, которыми ей пришлось удерживать длинный фронт от швейцарской границы до Ла-Манша. Британские экспедиционные силы лишились всех своих орудий, танков, транспортных средств и могли теперь оказывать французам лишь незначительную поддержку на рубеже Соммы²⁵. В конце мая наши танковые дивизии начали движение в южном направлении. Это стало началом приготовления к новому наступлению на так называемую линию Вейгана²⁶.

На последнем этапе французской кампании план германского Верховного командования предусматривал нанесение трех основных ударов. Группа армий «Б» в составе шести танковых дивизий должна была прорвать линию фронта между Узой и морем и наступать к низовью Сены в районе Руана. Через несколько дней группе армий «А» предписывалось наступление по обе стороны от Ретеля в глубь Франции, до плато Лангр. По мере выполнения этих задач группе армий «Ц» была поставлена задача атаковать линию Мажино и прорвать ее между городом Мецем и Рейном.

К началу июня германские танковые войска были сгруппированы следующим образом. Танковый корпус Гота, состоящий из 5-й и 7-й танковых дивизий, располагался в районе Абвиля, в распоряжении 4-й армии. Танковая группа Клейста стояла между Амьеном и Перон-

²³ Британская официальная история, как представляется, придает слишком большое значение влиянию Рундштедта, поскольку документы, приводимые майором Эллисом, показывают, что решение Гитлера было весьма важным. Даже если принять за данность то, что Гитлер решил отменить приказ Браухича по совету Рундштедта, все же ответственность ложилась целиком на Гитлера. Майор Эллис спорит по поводу значительности «приказа об остановке», но, думается, последнее слово по этому поводу еще не сказано. Так, в частности, не исследованы французские документы, касающиеся этого факта.

²⁴ См.: The War in France and Flanders. 1919–1940. P. 346–350. 25 мая британский патруль сумел захватить под Ипром германский штабной автомобиль, в котором оказались документы чрезвычайной важности. Как указывается на с. 148, этот инцидент имел важнейшее значение, поскольку в результате его лорд Горт перебросил две дивизии на северный участок фронта и обеспечил отход войск к морю.

²⁵ Лишь 51-я шотландская и 1-я бронетанковая дивизия остались боеспособными.

²⁶ 20 мая генерал Вейган, бывший начальник штаба маршала Фоша, принял командование у смещенного с этого поста генерала Гамелена.

ном, в нее входили танковый корпус Витерсгейма (9-я и 10-я танковые дивизии) и танковый корпус Гёппнера (3-я и 4-я танковые дивизии). Из танковых дивизий в районе Ретеля была сформирована новая танковая группа под командованием Гудериана – в нее вошли танковый корпус Шмидта (1-я и 2-я танковые и 29-я моторизованная дивизии) и танковый корпус Рейнгардта (6-я и 8-я танковые и 20-я моторизованная дивизии).

В начале июня противник еще больше ослабил свои бронетанковые силы плохо спланированной попыткой атаки наших плацдармов в районе Абвиля и Амьена. 5 июня перешла в наступление группа армий «Б», а танковый корпус Гота вклинился в оборону противника. Неприятель был не в силах удержать нас в пределах плацдарма Абвиля, и 7-я танковая дивизия под командованием генерала Эрвина Роммеля стала быстро продвигаться по направлению к Сене. 8 июня он был уже в Руане и, воспользовавшись полным замешательством противника, развернул свои силы к морю и отсек британскую горную дивизию и значительные силы французов в районе Сен-Валери.

Но восточнее германское наступление развивалось не столь гладко. Танковая группа Клейста безуспешно пыталась вырваться с плацдармов у Амьена и Перонна; французские войска в этом районе сражались с чрезвычайным упорством и нанесли нам значительные потери. 9 июня пошла в наступление группа армий «А»; главной ее задачей было захватить плацдарм на южном берегу Эны. Задача эта была поручена пехоте 12-й армии, и, хотя пехотинцы не смогли форсировать реку в районе Ретеля, они все же заняли три плацдарма западнее города. В ночь с 9 на 10 июня через реку был наведен мост, после чего танковая группа Шмидта форсировала Эну.

10 июня начались ожесточенные бои; местность была достаточно трудной, с многочисленными деревнями и лесами, французы упорно оборонялись. Эти очаги сопротивления были отданы для подавления пехотным полкам, в то время как танковые части, обходя их, двинулись на юг так далеко, как только могли. Во второй половине дня 10 июня французские резервы, включая недавно сформированную танковую дивизию, нанесли контрудар из Жюнивиля по флангу наших танковых сил, но в результате танкового сражения, продолжавшегося два часа, были отброшены назад. В ночь с 10 на 11 июня Гудериан перебросил танковый корпус Рейнгардта на занятый плацдарм, который уже достиг 12 миль в глубину. 11 июня танки Рейнгардта отбили несколько контратак французских бронетанковых и механизированных бригад.

Успех Гудериана и неудача фон Клейста были результатом различия их методов. Атаки последнего из амьенского и пероннского плацдармов показали, что бесполезно бросать в бой бронетанковые силы на хорошо подготовленные к обороне позиции противника, ожидающего нападения и намеренного отбить его. Напротив, танки Гудериана не были введены в бой, пока пехота не закрепилась на противоположном берегу Эны.

После отпора, данного фон Клейсту французами на Сомме, германское Верховное командование продемонстрировало свою способность гибко реагировать на изменяющуюся обстановку, перебросив его танковую группу в район Лаона. Здесь Клейст сразу добился успеха, продвинувшись вперед при слабом сопротивлении противника так далеко, что его авангард вышел к Марне в районе Шато-Тьерри 11 июня. На следующий день танки Гудериана подошли к реке у Шалона. Восемь танковых дивизий стремительно двигались вперед, обходя с двух сторон Реймс, а у противника не было сил, чтобы остановить их.

В отличие от 1914 года занятие Парижа не играло какой-либо роли в стратегических планах германского командования. Город уже не представлял собой крупную крепость, из которой могла угрожать нам резервная армия. Французское правительство объявило Париж открытым городом²⁷, а германское Верховное командование фактически никак не рассматривало это

²⁷ О т к р ы т ы й г о р о д – в международном праве город, который объявлен одним из воюющих государств незащищенным и поэтому не может быть театром военных действий. (Примеч. пер.)

место в своих расчетах – вступление наших войск в город 14 июня стало всего лишь эпизодом в ходе этой кампании. Тем временем танковый корпус Гота шел в направлении Нормандии и Бретани, танковая группа фон Клейста пробивалась к плато Лангр, а танковая группа Гудериана, развернувшись к востоку, двинулась в Лотарингию, с тем чтобы выйти в тыл линии Мажино.

14 июня линия Мажино была прорвана южнее Саарбрюккена частями 1-й армии, входящей в состав группы армий «Ц». Соппротивление французов прекратилось по всему фронту, и темп наступления германских частей ограничивался только расстоянием, которое танковые дивизии могли преодолеть в течение дня, – пехотные формирования остались далеко позади, устало пыля по проселочным дорогам. 16 июня танки Клейста грохотали уже на улицах Дижона, а 17 июня передовые части Гудериана подошли к швейцарской границе у Понтарлье и завершили окружение французских армий в Эльзасе и Лотарингии. 18 июня Гитлер и Муссолини встретились в Мюнхене для обсуждения французской просьбы о перемирии.

Заключительный этап кампании, когда германские танки вошли в Шербур, Брест и Лион, чрезвычайно напоминает ситуацию после Йены, когда массы французской конницы, преследуя неприятеля, широким потоком разлились по равнинам Северной Германии. Ситуация с нашими танками к концу кампании очень похожа на ту, которую обрисовал маршал Мюрат в своем донесении Наполеону в ноябре 1806 года следующим образом: «Сир, боевые действия окончены, поскольку у нас не осталось противника».

В Лотарингии

Как я уже объяснил, мое личное участие в этой кампании было ограничено сражениями в Лотарингии, где я служил в начальником оперативного отдела штаба 197-й пехотной дивизии. Дивизия эта входила в 1-ю армию, которая 14 июня атаковала знаменитую линию Мажино, южнее Саарбрюккена. Мне представилась прекрасная возможность непосредственно наблюдать ход битвы, хотя из нашей дивизии в штурме принимали участие только артиллерия и саперный батальон.

Линия Мажино всеми в мире признавалась неприступной, считалось, что ее укрепления способны выдержать любую атаку. Возможно, читателю будет интересно узнать, что в действительности оборонительные сооружения Мажино были прорваны за несколько часов обычной атакой пехоты, без какой-либо поддержки танков вообще. Германская пехота приблизилась к ним под прикрытием артиллерии и авиации, причем артиллерия применила много дымовых снарядов. Очень скоро обнаружилось, что многие из французских укреплений не способны противостоять снарядам и бомбам и, более того, большое число сооружений не оборудовано для круговой обороны и их довольно просто атаковать с помощью гранат и огнеметов. Линии Мажино не хватало глубины, и, если рассматривать ее в целом, она оказалась слабее многих оборонительных систем, созданных позднее, уже в годы войны. В современной войне вообще не приходится рассчитывать на позиционную оборону, что же касается линии Мажино, то ее укрепления имели всего лишь местное значение.

После прорыва 197-я пехотная дивизия форсированным маршем преследовала отступающего противника – войска с воодушевлением делали за сутки 35-мильные переходы, потому что каждый желал «быть там». Достигнув Шато-Сален, мы получили приказ развернуться и продвигаться к Вогезам, держа направление на Донон, самую высокую точку этого хребта в северной его части. Во второй половине дня 22 июня мы миновали переднюю линию французской дивизии, которая понесла тяжелые потери в предыдущих боях, и стали пробиваться сквозь поросшие густым плотным лесом холмы. Противник блокировал дороги завалами из деревьев, а его артиллерия, снайперы и пулеметчики били по нас под превосходным прикры-

тием густых зарослей. Наше движение сильно замедлилось, но мы все же пробили себе дорогу к Донону и к вечеру оказались всего лишь в одной миле от назначенного места.

Вечером 22 июня мне позвонил по телефону полковник Шпейдель²⁸, начальник штаба корпуса, и сообщил, что французские 3, 5 и 8-я армии в Эльзас-Лотарингии безоговорочно капитулировали. Он приказал направить парламентариев к противнику для прекращения огня. Поздним вечером 23-го числа был установлен контакт с командованием французских войск, противостоящих нам, и утром следующего дня я вместе с командиром дивизии генералом Мейер-Рабингеном уже ехал в штаб французского XLIII корпуса. Миновав наши передовые позиции, мы, проехав еще около полумили, оказались у передовых постов французов – те уже разобрали дорожные завалы. Солдаты были выстроены в строй и салютовали нам совсем как в мирное время. Военные полицейские в коротких кожаных куртках дали нам разрешение следовать дальше, и мы двинулись в сопровождении французской охраны. Вскоре мы прибыли на виллу «Ше ну», где располагался командный пункт генерала Лесканна. Командующему корпусом было лет шестьдесят; он встретил нас, окруженный офицерами своего штаба. Старик едва сдерживал себя, но внешне был вежлив – условия капитуляции были вполне корректно обсуждены, как подобает офицерам и джентльменам. Лесканну и его офицерам были оказаны все подобающие воинские почести.

24 июня ставка фюрера сообщила, что противник, окруженный в районе Вогезов, капитулировал под Дононом. В сводке сообщалось о пленении 22 тысяч солдат и офицеров, в том числе командира корпуса, трех командиров дивизий, а также захвате 12 артиллерийских дивизионов и большого количества боеприпасов и военного имущества.

Заключение

Каковы же были причины столь быстрого разгрома Франции? Большинство из них я уже упоминал, описывая ход операций, но, может быть, стоит еще раз коснуться самых значительных из них. И хотя большое значение, без сомнения, имели политические и моральные факторы, я ограничусь разбором только военных причин поражения.

Нет никакого сомнения в том, что немецкие танковые войска, искусно поддерживаемые авиацией, решили исход кампании. Это мнение ничуть не умаляет вклад наших пехотных дивизий, высокие боевые качества которых полностью проявились в ходе ужасной войны в России. Но во Франции у них было не так уж много возможностей продемонстрировать свою доблесть.

Вся кампания в целом была построена на действиях больших масс бронетанковых войск и представляла собой в значительной степени столкновение принципов применения танков двух соперничающих школ. Военные руководители союзников оперировали нормами Первой мировой войны и расплыли свои танковые силы равномерно по всему фронту, хотя их лучшие дивизии и приняли участие во вступлении в Бельгию. Командование наших танковых войск считало, что танки следует применять сосредоточенно, массированно, в результате чего два бронетанковых корпуса и один моторизованный корпус были сосредоточены на направлении главного удара под Седаном. Наша теория танковой войны отнюдь не была тайной для союзников. Еще в 1938 года Макс Вернер указывал, что «немецкая военная теория видит только один путь применения танков – их концентрированные действия крупными массами»²⁹. Французские и английские генералы не только отказывались принять эту теорию, но не потрудились даже сделать из нее выводы.

²⁸ В будущем – генерал-лейтенант, в 1944 г. начальник штаба Роммеля в Нормандии.

²⁹ Werner M. The Military Strength of the Powers (London, Gollanz, 1939).

Даже после нашего прорыва на Маасе французские генералы, похоже, оказались не в состоянии сконцентрировать свои бронетанковые силы, да и на полях сражений тактика французов оказалась слишком шаблонной и негибкой. Наши танковые корпуса и дивизии обладали преимуществами не только в отличной боевой подготовке и хороших средствах связи, но и в том, что командиры различных уровней понимали – управлять танковыми подразделениями нужно, находясь в боевых порядках. Это давало им преимущество немедленного реагирования на быстро меняющуюся обстановку и позволяло реализовать возможности, которые открывались в ходе танковых сражений.

Однако хотя мы и придавали столь большое значение танковым войскам, но в то же время сознавали – танки не могут действовать без тесной поддержки моторизованной пехоты и артиллерии. Наши танковые дивизии должны представлять собой сбалансированное соединение всех родов войск – это был урок, который англичане так и не усвоили вплоть до 1942 года.

Умелое применение фактора внезапности также было весьма важной составляющей нашего успеха. Для того чтобы реализовать его, фон Клейст рискнул форсировать Маас 13 мая, не дожидаясь прибытия своей артиллерии; успешное взаимодействие авиации и танками осуществлялось и позднее, во время преследования противника в Центральной и Южной Франции. Неоднократно быстрые маневры и гибкое управление нашими танками приводили врага в замешательство. Успешное использование наших парашютно– десантных войск в Голландии также ярко иллюстрирует парализующий эффект внезапного удара.

Германское Верховное командование великолепно проявило себя во время кампании, и стратегическое руководство танковыми войсками в целом было смелым и уверенным. В его действиях я могу отметить лишь две серьезные ошибки – приказ танкам выждать время после создания плацдарма в районе Седана и в особенности трагическое решение остановить танковые дивизии, когда перед ними лежал беззащитный Дюнкерк.

Суммирую. Битва за Францию была выиграна германским вермахтом благодаря возрождению принципа мобильности, достигнутого сочетанием огневой мощи, концентрации войск и внезапности, а также искусным использованием самых современных средств – военной авиации, воздушно– десантных частей и танков. Серия военных неудач в последующие годы не может заслонить того факта, что в 1940 году германский Генеральный штаб провел кампанию, достойную занять место в ряду величайших кампаний в истории войн. И не наша вина в том, что плоды этого военного триумфа были растрочены совершенно впустую.

3

Балканская кампания

Краткое затишье

Лето 1940 года было для германской армии, пожалуй, самым счастливым периодом войны. Мы одержали серию побед, невиданных со времен Наполеона; унижение от поражения в Первой мировой войне было отомщено, и мы могли смотреть в будущее с надеждой на заключение прочного и почетного мира. Наши оккупационные войска во Франции и Голландии перешли к рутине мирной гарнизонной службы. Для офицеров организовывались выезды на охоту и конные прогулки, начали даже ходить слухи о том, что нашим семьям будет позволено приехать к нам.

Верховное командование готовилось расформировать значительное число дивизий, было приостановлено выполнение важных оборонных контрактов. Но наши мечты были грубо развееаны, когда Великобритания отвергла предложение Гитлера, а Черчилль заявил о неколебимой решимости своей страны продолжать войну. В спешке была буквально сымпровизирована операция «Морской лев»³⁰, и перед люфтваффе была поставлена задача завоевать превосходство в воздухе над Ла-Маншем и Ирландским морем. Наша авиация великолепно выполнила свою задачу во время блицкрига во Франции, но она создавалась в основном с расчетом на поддержку наземных операций. Вскоре стало ясно, что авиация не настолько сильна, чтобы неделями вести бои с британским воздушным флотом, оснащенным великолепным радиолокационным оборудованием, и наши потери в битве за Англию похоронили все надежды на форсирование Ла-Манша.

В это лето мне представилась прекрасная возможность изучить условия жизни во Франции и Голландии. После завершения кампании моя дивизия была переведена в район нидерландского города Бреда, где корректное, хотя и осторожное поведение германских войск произвело великолепное впечатление на голландцев. Я поселился в доме бывшего голландского офицера колониальной службы, и теперь, оглядываясь в прошлое, с благодарностью вспоминаю эти тихие недели, проведенные мной в его гостеприимной и культурной семье. Стоит лишь сожалеть о том, что офицеры гестапо и партийные функционеры вскоре возвели барьер между оккупационными войсками и гражданским населением; их жестокость и безжалостное поведение восстановили против нас многих потенциальных друзей. К сожалению, у этих функционеров напрочь отсутствовали культура и образование – основа успешной работы в чужой стране.

После нескольких недель службы в Голландии меня перевели в штаб 1-й армии в Лотарингии на должность начальника разведотдела армии. Мы расположились в древнем готическом замке в Нанси, и я был очень рад снова служить под началом моего старого командира корпуса «берлинских дней» – фельдмаршала фон Витцлебена, ныне командующего 1-й армией.

Мои обязанности требовали встреч и контактов со многими французами, занимавшими видное положение в политике или коммерции. Я встретил в них искреннее желание сотрудничать на основе объединенной Европы, построенной на принципе абсолютного равенства. Этому сотрудничеству в немалой степени способствовало лояльное отношение германских оккупационных войск. Но Гитлер никак не мог переориентировать свое мышление на проведение политики смягчения отношения к Франции. Так, например, нам запрещалось давать

³⁰ «М о р с к о й л е в» – план вторжения в Великобританию. Некоторые современные историки считают, что этот план был дезинформацией, очередным ходом Гитлера в геополитической игре со Сталиным. (Примеч. пер.)

разрешение французским беженцам из районов к северу от Соммы вернуться домой, а вся Северная Франция и Бельгия были переданы под единое военное управление. Мы усматривали в этой мере проявление идеи создания «великой Фландрии».

Осенью 1940 года штаб 1-й армии разрабатывал планы быстрой оккупации остальной части Франции. Кроме постоянных тренировок с режимом Петена, планы эти были вызваны предпологавшимся наступлением через Испанию с целью завладения Гибралтаром. Но Франко не считал положение Англии безнадежным и с большим дипломатическим искусством держал Гитлера на расстоянии.

В ноябре 1940 года я провел несколько дней в Риме в качестве гостя Генуэзского полка, старинного и известного кавалерийского подразделения. Там я полностью погрузился в мирную атмосферу. Итальянские кавалерийские офицеры оказались чрезвычайно гостеприимными хозяевами и пригласили меня с собой в известную школу верховой езды в Торди-Квинто. Там они спросили меня, не пожелаю ли я взять несколько конных препятствий, и, когда я согласился, подвели мне великолепного чистопородного рысака. Мне показалось, однако, что они следили за моими приготовлениями с известной долей скептицизма. Собственно, их не следует упрекать в этом – вряд ли можно было ожидать приличной джигитовки от немецкого штабного офицера. Я, разумеется, ни словом не обмолвился о своем кавалерийском опыте и тех 150 скачках, в которых участвовал, но едва мог сдержать внутреннее торжество, когда, к удивлению хозяев, успешно преодолел все препятствия.

Во время пребывания в Италии мне представилась возможность обсудить ситуацию с генералом фон Ринтеленем, нашим военным атташе в Риме, с которым мне впоследствии довелось несколько раз встречаться, когда я служил в штабе Роммеля. Картина, нарисованная им, выглядела удручающе. Наступление маршала Грациани в Северной Африке захлебнулось, и вообще во всей этой кампании просматривался недостаток решительности и определенности. Нападение Муссолини на Грецию в октябре 1940 года было осуществлено силами, которые совершенно не соответствовали поставленной перед ними задаче. Уже через неделю после начала военных действий греки перехватили инициативу, и итальянские войска в Албании очень скоро оказались в весьма критическом положении.

Обстановка в Греции складывалась весьма неблагоприятно для Германии. Британские войска получили право высадиться в Греции, и жизненно важные румынские нефтяные месторождения Плоешти, столь необходимые для вермахта, были теперь в пределах досягаемости бомбардировщиков британского воздушного флота. До сих пор мы проводили политику удержания Балкан вне этой войны, но в начале декабря Верховное командование было вынуждено приступить к подготовке операции в Греции.

В январе 1941 года я вернулся в штаб 1-й армии в Нанси. Начальник нашего штаба полковник Рёрихт проинформировал меня, что переговоры между Гитлером и Молотовым, состоявшиеся в ноябре в Берлине, закончились безрезультатно. Вместо вступления в трехсторонний пакт, как надеялся Гитлер, Молотов, по его словам, прибег к тактике шантажа и предъявил совершенно неприемлемые требования относительно Румынии, Болгарии и Турции. В ответ на эти требования Гитлер отдал приказ вермахту начать разработку операции «Барбаросса» – вторжения в Россию. Датой вторжения в конце концов было определено 22 июня 1941 года – довольно поздняя дата, но перед этим было необходимо сначала вывести из игры Грецию и перебросить танковые дивизии с Балкан в Россию.

Германское Верховное командование планировало захватить Грецию в начале апреля, и в январе 1941 года немецкие войска стали концентрироваться в Румынии. Румыния, как и Венгрия, присоединилась к трехстороннему пакту несколькими месяцами ранее, а Болгария стала его участницей 1 марта. Германские войска сразу же после этого вошли в Болгарию, что поставило Югославию в незавидное стратегическое положение. Поэтому правительство принца Павла решило 20 марта присоединиться к этому же пакту, но государственный перево-

рот 27 марта под руководством генерала Рушана Симовича привел к кардинальному изменению политики страны. В этой ситуации Гитлер приказал осуществить вторжение в Югославию одновременно с нападением на Грецию.

Вторжение в Югославию

В конце марта 1942 года я был назначен начальником разведки 2-й армии, в то время дислоцированной в Южной Австрии, между Клагенфуртом и Грацем. Проехав без остановок всю Баварию, я прибыл в Грац и представился командующему армией генералу фон Вейхсу и начальнику штаба генералу фон Витцлебену. Они немедленно ввели меня в обстановку.

Югославская армия состояла из трех армейских групп.

1-я группа, базировавшаяся в Загребе, располагалась напротив по ту сторону границы страны; 2-я армейская группа прикрывала границу с Венгрией, а 3-я группа, в которой была сосредоточена основная масса войск, расположилась вдоль границ Румынии, Болгарии и Албании. Стратегическое положение югославов было крайне неблагоприятным, и, когда начались боевые действия, они смогли мобилизовать лишь две трети своих 28 пехотных и 3 кавалерийских дивизий. Им недоставало современного вооружения, совсем не было танков, а их авиация располагала только тремя сотнями машин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.